

Видели ли вы когда-нибудь серых таких человечков как бы без лиц? Серых — и всё. Никаких больше примет. Слава Богу, если не видели. Может, тот день был особенно тусклым, накрытым сухим туманом, закрывающим небо и солнце, — они появились.

— Где-то славно горит.

— Кхе... Хорошо, пока не у нас.

— У нас пока гарь только, без запаха.

— Дельце зреет потешное.

— Не сорвалось бы.

Как они говорили, эти серые человечки? Чем издавали звуки, неизвестно. На месте голов — огромные такие картузы. Впереди — то ли козырек, то ли нос. Это у первого, что потолще. У другого, вихлястого, козырек сбоку, и под ним то ли ухо большое свиначье, серое от щетины, то ли борода редкая и вроде как козлячья. Стояли они между могилками в центре кладбища, недалеко

от главной аллеи, опершись на витиеватые коряги-батоги, траву пожухлую кирзаками утюжили.

Неподалеку три женщины копошились у заросшей могилы: немолодая, к пятидесяти; постарше, за семьдесят, и девушка лет двадцати пяти, одетая тоже небогато, но со вкусом, в накинутом на голову шелковом серебристо-изумрудном палантине. Старшая с трудом распрямилась, утирая пот со лба бумажной салфеткой:

— Хоть приберем здесь! Ира, что ж ты так запустила?

— Не поверишь, тетя Лиза, в начале лета была, убирала. Потом думала, что раз дождей нет, трава выгорит и сама собой изничтожится.

— А он, сушняк, вишь как раскрылился, крепко держится, не вырвешь! Ничо, вместе осилим. Ты что там, Вероника?

— Я вокруг тоже траву подергаю, до той могилы...

— Ирина, а ты сюда, к матери, почему одна ходишь, без дочки? Хоть покойница ее и не застала, а все ж таки она ей бабушка, знать должна.

— Когда ей! Весь год за книгами: то репетиторы, то экзамены.

— Они молодцы, — поправляет на соседней могиле венки девушка, — хорошо школу закончили, на экономический поступили.

— Да, старались... Смотри-ка, какой памятник богатый, могила ухожена...

— И мы сейчас твоей мамушке, Ира, обиходим могилку, тоже хороша будет.

— Да уж куда там «тоже»! Крест подгнил, на честном слове держится.

— Зиму простоит? К весне новый поставим. Ну, покойся с миром, сестричка моя!

— Царство тебе небесное, бабушка! — перекрестилась Вероника.

Вдруг Ирина закачалась всем корпусом и, стиснув зубы, зашипела:

— Тяжело мне щас, так тяжело... Я же дочку свою, тетя Лиза, на платное обучение пристроила. Как хорошо ни учились, не прошли на бесплатное! На первый год кредит оформила, а где дальше деньги брать, ума не приложу. И в таком я отчаянии, так деньги нужны, что родную бы мать продала!

Лизавета еле устояла на больных ногах:

— Тяжелые слова говоришь ты, опасные. А все потому, что без Бога в сердце живешь!

— Заблеял будто кто или заскулил? Показалось?..

— Ветер сквозит, Вероника. А в словах моих ничего опасного нет, тетя Лиза. Некого продавать: я у матери на могиле двадцать лет траву щипаю!

— Всякое слово имеет силу, Ирина. За надеждой к Богу тебе надо. Его бы в сердце впустить.

— С Богом в сердце жить хорошо! — Вероника радостно посмотрела в неясное небо. От резкого поворота головы палантин соскользнул с волос, изумрудной стороной ласково накрыв плечи девушки. Помолчали. Лизавета вытерла салфеткой слезы, взяла под локоть внучку.

— Ты, Вероника, не знакомого ли кого разглядела на той могилке?

— Да нет, баб. Михайлев Степан Ермолаевич почил в 2000 году. Это тогда все конец света пророчили? А ничего, пережили.

— Ну, видишь вот, не все пережили: «Безвременно ушедший», — прочитала Ирина.

— Молодой, пятьдесят шесть лет.

— Царство небесное и ему!

— Интересуетесь? Здравствуйте! — невысокий седовласый господин на кривеньких ногах заглянул в лицо Веронике. — Меня зовут Никанор Фомич.

— Эка, таких имен-то счас уж нету, — удивилась Лизавета.

— Сейчас как раз все есть! Хороший человек был Степан Ермолаич, скучать никому не давал, а вот и он упокоился с миром. Я от сына его, Алексея Степановича. Тоже затейник. Задумал он соорудить именно на этом месте семейный склеп... небольшой, но чтобы матери и ему самому (на будущее, конечно) места хватило. С властями все согласовано. Вот бумаги, — оглядел всех, хоть и невысок ростом, свысока. — Кто хозяйка, значит, этой могилки? Вы, полагаю? — повернулся он всем корпусом к Ирине.

— Я.

— Не удивляйтесь, справки наводим. Хотели к вам домой наведаться, да вот удачная встреча. Может, здесь, на месте, и обговорим детали?

— Ветра вроде нет, душно, а воздух колышется. Движение какое-то, бабушка, тетя?

Ирина махнула на Веронику рукой, как бы отсекая этим жестом себя от родных, негромко уточнила:

— Какие детали?

— Вы, красавицы, посидите пока вон в той беседке, — обратился господин к девушке и старушке и, проводив их взглядом до места, негромко продолжил: — Так что же вы мне скажете по существу дела, Ирина, как вас там по бабушке...

— О чем?

— О деле нашем. Склеп, вы понимаете, места требует.

— Понимаю.

— И мы в свою очередь понимаем, что хлопоты предстоят и расходы, ими вызванные. Так вот, расходы и хлопоты Андрей Степанович оплатит щедро. На родных он не экономит.

— Сколько? — торопливо вытерла о салфетку руки Ирина.

— Вот сумма. Денег с лихвой хватит и на перезахоронение, и на новый памятник, и на молебен; на поминки, на моральный ущерб, если он, конечно, есть, — все учли. Что вы как каменная, в самом деле?

— Делать что, не пойму...

— Прочитать и подписать.

И тут послышалось тихое, как песня или молитва сокровенная: «Ириша, бедная ты моя, поостерегись!»

— Вот именно, бедная, — услышал эти слова и господин, не особенно вникая в то, откуда они пришли. — Чего ей в бедности остерегаться? Достатка? На сумму посмотрите. Перезахороните на другое место прах и все. Благодарю. Деньги придут на карту незамедлительно, но только и вы приступайте к выполнению своей части договора незамедлительно. Ситуацию я контролирую.

Через несколько дней Ирина и Никанор Фомич встретились на том же месте.

— Крест убрали — и все? Прах не перенесли. Желающих заработать на кладбище, что ли, не нашлось?

— Не могу никак решиться...

— А мне доложили, что вы могилу на новом месте уже обустроили. Пустышку, выходит?

— Сказать вам не знаю как... Можно все так оставить?

— М-м? Время, голубушка, время — тоже деньги! Мы начинаем работы завтра!

— Начинайте-начинайте...

— Вы проект видели, так? На месте могилы вашей матери будет выстроена задняя стена склепа. Предлагаете закатать могилу?

— Ох-ох-ох...

— Деньги у тебя есть. До завтра можно десять раз все дела переделать! Если только поторопиться.

— Нету, нету денег: то да се...

— Так что — ровнять?

— Ровняйте-ровняйте, — тихо так, скороговоркой говорит, а головой машет твердо. — Могила новая есть, будет чем перед родней оправдаться.

— Да-а, думал, ничему не удивлюсь больше — мирное время! Впрочем, мне волноваться нечего: у меня бумаги в порядке.

В один из предосенних смурных дней двое мужчин шли по кладбищенской аллее. Впереди — высокий, подтянутый, чернобровый красавец. Чуть позади бодрым кавалеристом вышагивал невысокий седовласый господин, внимательно слушая собеседника.

— Никанор Фомич, видели вы только что двух серых таких человечков, будто без лиц? Я их еще у машины приметил. А они вон уже, у нашего склепа притулились.

— Здесь бывает, Алексей Степаныч, много странных, если не сказать — душевнобольных...

— О, уже испарились, чертяки! Женщина только и стоит у задней стены.

— Фигура вроде знакомая, а лица не разгляжу. Тень, что ли, от платка лицо закрывает.

— Что ж это вы, голубушка, со стеной разговариваете? — не сходя с аллеи, воскликнул красавец. — Тут неподалеку есть часовенка, или может...

— Или может, или может! — запрыгала на одной ноге женщина.

— Никанор Ф...!?

— Сказано тебе: иди отсюда, — в негромком голосе Никанора Фомича явно послышалась угроза. Женщина вздрогнула и отошла шагов на двадцать, поближе к мусорному баку.

— Сколько неприкаянных, однако, — сокрушенно вздохнул Алексей Степанович.

— И нераскаянных...

— Да, Никанор Фомич! Спасибо Вам за заботу! Теперь моя душа будет спокойна. Уютное это все-таки место. С детства я привык здесь бывать с матерью на могиле отца. Теперь и она рядышком упокоится. Распорядитесь уж по старой памяти!

— Все сделаю, не волнуйтесь.

Совсем уже вечер. Сумерки. Возле склепа женщина говорит негромким голосом: «Сон мне опять приснился, мамушка, будто стою я под горой какой-то, а оттуда твой голос: «Доченька, когда придет время всем покойникам выйти, как же я? Ни креста своего над головой у меня нету, ни ходу-выходу. Давит на меня сверху чужая забота». Я сразу в церковь пошла, хотела покаяться, что обманула всех с могилою. Все ходят теперь туда, одна я знаю, что она пустая, да еще меня похваляют!.. И вот: сделалась я перед батюшкой каменная вся, моргнуть даже не могу, не то что рот открыть! Так и не дождался он от меня ничего ни на исповеди, ни после. Хотели чаем меня напоить, но я как дала деру и прямо сюда, к тебе прибежала. Ничего же, мамушка, страшного, не произошло, а? Внушка твоя на эконо-

миста учится, Выучится, обязательно разбогатеет, вот и наши муки тогда, может, закончатся. А ты уже сейчас рядом с богатыми, в склепе... — и вдруг изменившимся голосом прибавила: Не обижайте нас, мы свою работу ладно сделали: мамушка не в склепе, она под стену склепа закатана! Кхе-кхе, потешное вышло дельце! Лишь бы та, в палантине, да бабка ее не разнюхали чего и не испортили нам веселье». И захрюкала, заблеяла, сотрясаясь всем телом.